

выделяются международные направления и более локальные школы. Пишут об эволюционизме, диффузионизме, функционализме, структурализме и т. п. как международных направлениях в этнографии и в то же время о таких школах, как кельнская — Гребнера, венская — Шмидта — Копперса или датская — Биркет-Смита в диффузионизме, английская — Малиновского или немецкая — Турнвальда в функционализме и т. п. Правда, из этого правила имеются и исключения, и — согласимся еще раз — задача выработки точных таксономических критериев остается актуальной.

Однако при всех обстоятельствах уже сейчас необходимо намного четче, чем это сделано в статье, определить отличительные черты марксистского направления в этнографии, а не только советской этнографической школы. Сказать, что в основе этого направления лежит диалектико-материалистический принцип научного анализа (с. 60), — значит, не сказать ничего, так как этот же принцип лежит в основе всех марксистских общественных наук. Гораздо конкретнее показаны в статье отличительные черты сложившейся за последние два десятилетия и связанной с именем Ю. В. Бромлея советской этнографической школы. Для нее характерны, в частности, предельно выраженный интерес к этническим аспектам истории и детально разработанная теория этноса. Свойственно ли это другим национальным или персональным школам в марксистской этнографии, и прежде всего в этнографии ГДР? Хотелось бы получить ответ также и на этот вопрос, в особенности учитывая совместный советско-гэдээровский характер предполагаемого очередного выпуска «Свода этнографических понятий и терминов».

Ю. И. Семенов

О ПРЕДМЕТЕ И ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Этнография, как и многие другие науки, начинает со сбора и накопления фактов, с тем, чтобы в дальнейшем перейти к их систематизации, а затем и теоретическому обобщению. И прежде всего перед нами встает вопрос: существует ли такой фактический материал, сбором которого занималась бы исключительно этнография. Ответ на этот вопрос может быть только утвердительным. К ведению этнографии, и только этнографии, относятся общества, продолжавшие оставаться первобытными или предклассовыми (т. е. переходными от первобытных к классовым) к моменту их изучения. Лишь этнография изучает материальную и духовную культуру этих обществ, а также все существующие в них отношения и институты.

Однако этнография, как правило, не ограничивается исследованием одних лишь сохранившихся до наших дней доклассовых и предклассовых обществ. В любом обществе восточного и феодального типов всегда существовали две связанные, но тем не менее разные культуры. Одна — культура и крестьянские социальные отношения и институты находятся стьянская культура исследуется фольклористикой и этнографией. Первая ограничивается изучением лишь устного народного творчества. Все прочие явления духовной культуры, а также крестьянская материальная культура и крестьянские социальные отношения и институты находятся почти исключительно в ведении этнографии.

К тому времени, когда возникла и оформилась этнография, крестьянская культура стала уже по существу архаикой. Еще большую архаику представляла культура доклассового и предклассового обществ. Именно с этим связано одно время широко распространенное определение этнографии как науки о «живой старине».

На первых этапах развития этнографии деятельность исследователей в основном сводилась к сбору и тесно связанному с ним первичному обобщению фактов, к первичной классификации, скорее даже инвентаризации фактов. Труды, содержание которых сводится к описанию и первичной классификации фактов, относящихся к той или иной первобытной или крестьянской общине, создаются и сейчас. И когда в англоязычной литературе встречается термин *этнография*, то в отличие от советской литературы он применяется лишь для обозначения такого рода исследований. Для обозначения работ, авторы которых в той или иной степени выходят за эти узкие рамки, используются иные термины: *этнология*, *культурная антропология*, *социальная антропология*.

В течение определенного периода этнография оставалась чисто эмпирической наукой. Однако по мере накопления эмпирического материала насущной необходимостью стал переход к теоретическому уровню познания. И перед исследователями, пытавшимися дать теоретическую интерпретацию этнографическим фактам, с неизбежностью встал вопрос о том, теорию какого именно объекта они ставят своей задачей создать.

Одни исследователи считали своим объектом культуру. Это имело свое оправдание в том, что при первом подходе к явлениям, описываемым этнографией, все они могли быть истолкованы как феномены культуры. Сторонники такого подхода рассматривали этнографию как науку о культуре, с чем связано появление в последующем термина *культурная антропология*. Начав с рассмотрения первобытной культуры вообще (Э. Тайлор), эти исследователи перешли в дальнейшем к детальному анализу и сравнению отдельных культур (Л. Фробениус, Ф. Гребнер, Ф. Боас, П. Радин и др.). С целью систематизации и упорядочения фактического материала ими были введены различные рода понятия, такие, например, как «культурный круг», «культурный ареал», «культурный центр» и т. п. Но ни одна из школ в этнографии, для которых понятие культуры было основным, не пошла дальше простой систематизации явлений. Подняться выше эмпирического уровня познания, создать подлинно научную теорию они не смогли.

Для другой части исследователей основным стало не понятие «культура», а понятие «народ, этнос». Культура их интересовала постольку, поскольку она была проникнута этнической спецификой, выполняла этноинтегрирующую и этнодифференцирующую функции. А такой особенностью в полной мере обладала как вся культура доклассовых и предклассовых обществ, так и крестьянская культура классовых обществ. Как известно, термин «народ» в русском и ряде других языков имеет в применении к классовому обществу по меньшей мере два значения. Под народом понимают, во-первых, низы общества и среди них прежде всего крестьянство, во-вторых, этническую общность. И крестьянская культура в классовом обществе была народной как в том смысле, что была культура низов, так и в том, что она прежде всего характеризовала ту или иную этническую общность.

Если первоначально и в этой области этнографии дело не шло дальше простой классификации, то дальнейшее развитие привело к целому ряду важных теоретических обобщений. Усилиями прежде всего советских исследователей была разработана теория этносов и этнических процессов¹. Особое внимание стало уделяться современным этносам, культура которых не могла быть охарактеризована как прежде всего крестьянская. Результатом было введение в научный оборот и много фактического материала, кроме того, которым исконно пользовалась этнография. Этнографы стали исследовать любые явления, имеющие этническую специфику. Прежде всего в поле их зрения оказалась вся традиционно-бытовая культура, как деревенская, так и городская. Не только архаичные, но и новые формирующиеся традиции стали объектом

¹ Козлов В. И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1969; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973; его же. Очерки теории этноса. М., 1983, и др.

исследования. Внимание стало уделяться профессиональной духовной культуре и общественной психологии. Как следствие этнография вторглась в такие сферы действительности, которые не являлись только ее достоянием, которые она делит с социологией, общественной психологией, искусствоведением и т. д. И здесь ее отличает от других наук не столько объект изучения, сколько тот угол зрения, под которым ведется исследование.

Научная дисциплина, изучающая этносы и этнические процессы, является ведущей в советской этнографической науке. Однако не единственной.

Как уже указывалось, этнография собирала материал не только о духовной и материальной культуре доклассового и предклассового обществ, но и о всех существующих в них социальных отношениях. И это делало возможным и неизбежным подход к этнографическому материалу еще под одним углом зрения. Суть его состояла в том, что на первый план выдвигались не понятия «культура» и «этнос», а понятие «общество», «социальный организм». Одним из первых пошел по этому пути Л. Г. Морган. В его труде «Древнее общество» излагается теория развития первобытного общества и его превращения в классовое. Такое понимание этнографии лежит и в основе труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Следовательно, еще один раздел этнографии — научная дисциплина, изучающая законы эволюции первобытнообщинной общественно-экономической формации и ее превращения в классовое общество.

Эта теоретическая дисциплина в известной степени вышла за пределы этнографии, ибо начала использовать факты, накопленные и другими науками, в первую очередь археологией и палеоантропологией.

Перенос центра тяжести с понятия «культура» на понятие «общество» имел место и в трудах многих западных этнографов, стоявших в отличие от Л. Г. Моргана на антиэволюционистских позициях. Такой видный представитель «функциональной» школы в британской этнографии, как А. Р. Рэдклифф-Браун, совершенно четко противопоставил понимание этнографии как науки об обществе пониманию ее как науки о культуре². Именно с этим и связано употребление им для обозначения данной дисциплины термина «социальная антропология».

Переход в дальнейшем к детальному исследованию доклассовых и предклассовых социальных организмов привел к выделению в их составе нескольких subsystem, каждая из которых стала предметом исследования особой субдисциплины. Существующие в первобытных социальных организмах нормы стали предметом исследования *нормативной этнографии*, которая в западной литературе именуется *этноюриспруденцией* или *правовой антропологией*. Организация власти в доклассовых и предклассовых обществах стала предметом исследования особой субдисциплины, которая в западной литературе обычно именуется *политической антропологией*. Наконец, система социально-экономических отношений, являющаяся базисом доклассовых и предклассовых обществ, стала объектом исследования *экономической этнографии* (*этноэкономии*), которая в западной литературе получила название *экономической антропологии*.

В настоящее время доклассовые и предклассовые общества находятся в процессе исчезновения. Вполне понятно, что происходящие в них изменения являются предметом исследования этнографии, но отнюдь не монопольным. Вместе с этнографами эти процессы изучают экономисты, социологи и представители ряда других наук. С полным исчезновением доклассовых и предклассовых обществ данный раздел этнографии превратится в дисциплину, изучающую только прошлое.

Центр тяжести переносится с культуры на общественные отношения не только при изучении первобытности, но и при изучении крестьянства.

² Radcliffe-Brown A. R. Structure and Function in Primitive Society. N. Y., 1965. P. 189.

При этом выяснилось, что в основе бытия в восточном и феодальных обществах двух различных по содержанию и форме культур лежит существование внутриклассовых социальных организмов таких специфических образований, как крестьянские общины.

Существуя в пределах более крупных социальных организмов, крестьянские общины в то же время не являются простыми их составными частями. В их основе лежат иные социально-экономические отношения, чем те, что составляют базис классового социального организма, в который они входят. Поэтому крестьянские общины обладают некоторыми особенностями социальных организмов, выступают в ряде отношений как подлинные социальные организмы. На это обстоятельство неоднократно указывали К. Маркс и Ф. Энгельс³. Как следствие крестьянские общины имели свою культуру, отличную от культуры классового социального организма, в состав которого входили.

В целом ряде отношений крестьянские общины были сходны с первобытными, от которых произошли. Это одновременно объясняет как сходство крестьянской культуры с первобытной, так и то обстоятельство, что они являются объектами исследования одной и той же науки — этнографии. Сходство между первобытной и крестьянской общиной столь велико, что известный американский исследователь объединил их под названием «folk society»⁴. Однако наряду со сходством между ними существуют и серьезные различия. Если первобытная община является вполне самостоятельным социальным организмом, то крестьянская — лишь социальным суборганизмом, всегда существующим в составе более крупного социального организма, который имеет свою культуру, не совпадающую с культурой крестьянской общины, но влияющую на последнюю. В отличие от теории первобытного общества теория крестьянской общины начала создаваться довольно поздно⁵. В частности, сравнительно недавно стали разрабатываться проблемы крестьянской экономики.

Если экономическая этнография (антропология) первоначально занималась почти исключительно экономическими отношениями доклассовых и предклассовых обществ (primitive economy), то к настоящему времени в ней возник и обособился раздел, специализирующийся на изучении экономических отношений внутри крестьянства вообще, крестьянских общин в первую очередь (peasant economy).

В настоящее время крестьянские общины претерпевают быстрые и существенные изменения. Эти процессы изучаются этнографами, но не только ими. Они привлекают к себе внимание как экономистов, так и социологов. С исчезновением крестьянских общин объектом и данного раздела этнографии станет лишь прошлое.

Теория крестьянской общины первоначально разрабатывалась почти исключительно на материалах, собранных этнографией. Однако дальнейшее развитие с неизбежностью требует привлечения материала о древневосточных и средневековых общинах, т. е. данных чисто исторических. Разработка этой теории, таким образом, дело не только этнографов, но и историков.

Как видно из всего сказанного, в составе этнографической науки существуют три основные теоретические дисциплины. Первая из них занимается изучением этносов и этнических процессов. Вторая — представляет собой теорию доклассового и предклассовых обществ. Третья — является учением о крестьянской общине. Вторая и третья дисциплины обречены в ближайшем будущем превратиться в науки о прошлом. И только первая из них еще долгое время будет продолжать оставаться наукой не только о прошлом, но и о настоящем и о будущем.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 544; Т. 19. С. 405.

⁴ Redfield R. Folk Society//Amer. J. Anthropol. 1947. Vol. 52. № 3.

⁵ Redfield R. Peasant Society and Culture. Chicago, 1956.